

КАРПАТОРОССЫ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Было время (ушло ли?), не так уж и давно, не так уж и территориально далеко, когда говорить, писать и читать на русском языке было просто опасно. Нам в 21-м столетии возможно ли поверить в это? Не надо верить, обратимся к свидетельствам. Всего 100 лет назад в тогдашней Австро-Венгрии в это тоже не надо было верить: десятки тысяч русских заплатили своими жизнями за свою русскость в лагерях смерти Талергофа и Терезина с 1914-1918 г. Почитайте на Интернете: будете знать, не надо верить.

Рассказ "Отец Михаил" писателя Александра Попова (1893-?, Закарпатье): "В Галиции начались уже преследования русофилов. Тысячи людей по ложному доносу за то, что читали русские книги, русские газеты арестовывались и бросались в тюрьмы без суда и допроса".

Уточнение: преследовались и уничтожались не русофилы, а русские жители Империи, коих в то время насчитывалось около 4 миллионов. Их родным языком был русский.

О языке и поведём речь. Ознакомимся с высказываниями о нем знаменитых карпатороссов. Начнём с незабвенного гениального Гоголя (1827-1909): "Ещё до Карпатских гор услышишь русскую мольву, и за горами еще кое-где отзовется как будто родное слово." Из "Мёртвых душ": "...нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово".

БОГДАН АНДРЕЕВИЧ ДЕДИЦКИЙ (1827-1909) - первый профессиональный журналист Галицкой Руси. Закончил филологический факультет в Вене. Издавал первую независимую галицко-русскую газету "Слово". Известно высказывание Дедицкого: "Малорусин может научиться по-украински в один час". Написал брошюру "О неудобности латинской азбуки в русской письменности", в коей решительно протестовал против введения латинского алфавита в Галицкой Руси. Поэтические его произведения "Песни русского Кобзаря" (1853 г.) и "Конюший" (1853 г.) современному читателю абсолютно понятны, к тому же, очень красивы. В 1895 г. Дедицкий издал "Славянско-русский букварь".

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАРАБЕЛЕШ (1906-1964) - русский поэт Закарпатья, педагог, автор нескольких поэтических сборников, писатель. Приведём отрывок его стихотворения "Русский язык":

Как струны при звонкой задумчивой лире,
Как в битве кипучей пронзающий штык,
Как яркий светильник в полнотной квартире,
Как кровля среди бури - так важен ты в мире,
О, древний сияющий русский язык!
В минуты сомнений и грусти тяжелой,
Когда безнадежно душой я поник
И гасну под гнетом ночной филомелы -
Льшь ты мне поддержка, защитник веселый,
О, нежный, свободный, отрадный язык!
Ты светоч и звон, ты создание народа,
Ты в буре кровавых столетий возник,
Ты вечный источник славянского рода,
В тебе справедливость, простор и свобода,
О, громкий, могучий, великий язык!

ЯКОВ ФЁДОРОВИЧ ГОЛОВАЦКИЙ (1814-1888) - галицко-русский поэт, писатель, этнограф, филолог, библиограф, публицист. С 1848 г. в

течение 20 лет - профессор русского языка и литературы в Университете Львова, один из трех участников "Русской Троицы", прославившейся изданием в 1837 г. знаменитой "Русалки Днестровой". По словам Профессора Федора Аристов, этот сборник "сделал свое дело и составил целую эпоху в литературном развитии Галицкой Руси. "Русалка Днестровая" наглядно доказала, что русские галичане могут пользоваться в литературных произведениях не только мертвым уже церковно-славянским языком, но и живым народным наречием. Это был огромный шаг вперед..." Да, это был шаг к живому общерусскому литературному языку.

Приведём отрывок из "Пережитого и перестраданного" самого Головацкого: "Мой отец с матерью обыкновенно говорили по-польски...но с нами детьми никто никогда не говорил иначе, как по-русски, и мать обыкновенно перед поляками тем извиняла нас, что мы привыкли между челядью к русскому говору и что даже полезно детям начинать говорить по-русски, так как дети привыкают к трудному произношению русских слов, легко изучают польский, немецкий и другие языки".

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ГУЦА-ВЕНЕЛИН (1802-1839) - уроженец Закарпатья, выдающийся историк, этнограф, языковед, первый болгаровед и один из основателей научного славяноведения. Приведем некоторые цитаты из его трудов.

"Из всех европейских языков (народов) самый развитый есть Русский, который заключает в себе более 42 млн. человек и только два наречия: Северно-Русское и Южно-Русское (малорусское). Поздравляю тебя, о, Земля Русская, необозримая от Севера до Юга, от восхождения Солнца до Запада!"

"Так как Велико-русское, или Северное Русское наречие сделалось литературным, то оно справедливо называется Русским Языком *par excellence*. Но правописание, принятое русскою литературою, принадлежит не одной Северной Руси, но и Южной: потому что оно Русское не по преимуществу, но общерусское".

"Из самых цельных народов Европы и, может быть, всего шара есть народ Русский, 45-миллионный, разделенный только на два наречия: на северное и южное, с тем однако, что Русский Северянин и Южанин свободно может объясниться, оба не изменяя своему наречию. Кроме того, на Русском языке можно все выразить".

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ НАУМОВИЧ (1826-1891) - галицкий писатель, просветитель, священник. Пишет Василий Ваврик: "В сатире-комедии "Земчужный Юрко" вывел Наумович деревенского парня, который коверкает родной язык немецкими словами, чем вызывает комичность и насмешки своих односельчан. Пьеса ставилась многократно на сценах любительских театров." Спасение своего края от колонизации и онемечивания видел Наумович в единении со всем русским этносом. В 1866 г. он заявил во Львовском сейме: "Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все ее племена составляют один могучий русский народ. Сходство нашего языка с языком всей Руси не уничтожит никто на свете: ни законы, ни сеймы, ни министры".

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ДОБОШ (1912-1978) - уроженец Закарпатья, публицист, педагог, основатель и первый ректор Ужгородского университета (1945 г.), профессор русского языка, автор монографий

"А.И.Добрянский" и "Юлий Иванович Ставровский-Попрадов".

Предлагаем отрывок из его статьи "Взгляд на эпоху возрождения карпаторосской литературы": "Национальное движение 1848 г. дало ясное понятие спасения карпаторосского народа от грозившей мадьяри-

Памятник Русскому князю Даниилу Галицкому во Львове. Установлен в год его 800-летия – в 2001 году. Памятник стоит на одной из древнейших площадей города — Галицкой.

зации. Вся последующая генерация стремится к изучению русского литературного языка. Прислушиваются к звучности русского стиха. В карпаторосских "Месяцесловах" при первой же возможности печатаются оды Державина, стихотворения Хомякова, Тютчева, Полонского и др."

ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ МАЛЕЦ (1867-1935) - галицко-русский политический деятель, ученый, агроном, журналист. Сформировал карпаторосский отряд в Добровольческой Армии, участвовал в боях на юге России. В 1920 г. произведен в чин капитана, в том же году эвакуировался из Крыма с армией Врангеля. Вернулся во Львов после войны.

В 1924 г. опубликовал во Львове брошюру "Потуги разъединения и ослабления русского народа". Цитируем: "В образовании русского литературного (книжного) языка, в создании всей русской культуры принимали участие все русские племена: малоруссы, великоруссы и белоруссы. Что до книжного языка, то можно сказать, что малоруссы положили для него основу, а великоруссы дали ему свой выговор. И потому неверно и смешно, если нам кто-то говорит, что тот язык не наш (малоруссов), что это московский, или российский язык. Нет, это неверно! Он является общерусским литературным языком, так же московским, как и львовским."

Говорю о старом, этимологическом правописании: оно и есть одним из тех признаков, который указывает более наглядно на единство общерусского языка для всех русских племен и удерживает это единство. Фонетика же вводит уже различие в способе писания, и потому-то именно фонетика и была насильственно введена в галицких школах, чтобы нас разделить и затруднить нам, галичанам, доступ к богатой общерусской культуре".

ИВАН ИВАНОВИЧ РАКОВСКИЙ (1815-1885) - угро-русский писатель, общественный деятель, издатель, публицист, священник.

Профессор Федор Аристов написал о Раковском: "В своих публицистических статьях автор постоянно подчеркивал необходимость употребления в угро-русской письменности

общерусского литературного языка. Писатель также заботился о составлении учебников, издав, напр., на мадьярском языке "Русскую грамматику", которая должна была научить русской грамоте забывших русский язык угро-русских интеллигентов, им же была составлена для народных школ "Арифметика".

А вот что пишет сам Иван Раковский: "Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка. Все наши писатели с самого начала вступления на поприще распространения народного просвещения руководились одною мыслию, имеющею целью литературное объединение".

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ МАРКОВ (1864-1938) - уроженец Галицкой Руси, публицист, доктор юридических наук, депутат галицкого сейма и Австрийского парламента. Был первым, кто произнес речь на русском языке в Австрийском парламенте (1907 г.) - это было неслыханное нарушение правил! Марков открыто заявлял о единстве великороссов, малороссов и белоруссов.

В 1911 г. он опубликовал брошюру "Русская и украинская идея в Австрии", где, в частности, писал: "Если изучать образование русского литературного языка без всякой тенденции, с точки зрения не пристрастного политика, а совершенно объективного ученого, то приходится удивляться, каким образом малороссы сумели оказать такие громадные услуги единству и красоте нынешнего русского литературного языка, несмотря на преследования, которым народ этот подвергался во времена векового чужеземного владычества. Первая напечатанная Федоровым книга появилась во Львове в 1573 г., а родины первой русско-славянской грамматики Смотрицкого, появившейся тоже около этого времени, была также Галиция."

Не привожу мнения других ученых, но укажу, что Пыпин и Ягич признавали малоросский язык только особым наречием русского языка, стоящим по родству и единству с русским языком несравненно ближе к нему, чем нижне-германский диалект стоит к верхне-германскому".

СТО ТЫСЯЧ ПЕТИЦИЙ ГАЛИЦКИХ РУССКИХ

Как ведущая этой рубрики, не могу обойти молчанием тот факт, что в Австро-Венгрии не было ни одной русской школы на 4 миллиона русскоговорящего населения. Русская речь не допускалась в общении с представителями власти. В 1907 г. барон Бинерт - министр внутренних дел в ответ на речь депутата Дмитрия Маркова объявил точку зрения правительства: в Австрии нет русского народа. Сто тысяч петиций галичан было прислано в парламент после этого заявления: "Высокая палата! Галицко-русский народ по своему историческому прошлому, культуре и языку стоит в тесной связи с заселяющим смежные с Галицией земли малорусским племенем в России, которое вместе с великорусским и белорусским составляет цельную этнографическую группу, т.е. русский народ. Язык этого народа, выработанный тысячелетним трудом всех трех русских племен и занимающий в настоящее время одно из первых мест среди остальных мировых языков, Галицкая Русь считала и считает своим и за ним лишь признает исключительное право быть языком ее литературы, науки и вообще культуры".

ИСИДОР РОМАНОВИЧ ПАСЕЧИНСКИЙ (1853-1903) - родился в крестьянской семье в Бойковских Карпатах, поэт, писал статьи, рассказы, хорошо пел и играл на скрипке, собирал народные произведения, исходил в течение долгого времени оба склона Карпат.

Вот его стихотворение "Русская мова, родне слово":

Русская мова, родне слово,
Чудный Божий дар!
Тобе, любочко, любезна
Нема в свете пары.
Ты гладонька, солоденька,
Як медок липовый,
Народ, тобой говорючий
И тебя любячий,
Хоть на время преувавший,
В будущность смотрящий,
Подвигнеся, розвинися,
Оживе, не сине!
Бо ты, мово, русске слово,
Народа твердыня,
Ой, не мало все недруги
Голов наломали
Щоб тебе, твердыня Руси,
Прочь искоренили.
Кто ж бажае, щоб ту мову,
Шо век веки жила,
Враз с народом поглотила
Без следа могила.
Той недруг есть Святой Руси,
Знидее, зовяне,
А Русь вечно поже ще
Доки света стане.

МАРКИАН СЕМЕНОВИЧ ШАШКЕВИЧ (1811-1843) - поэт, писатель, основоположник галицко-русской литературы, один из трех составителей знаменитой "Русалки Днестровой".

Какой мерой измерить светлые дела Маркиана Шашкевича в то время, когда полным ходом шло ополячивание Галичины? Повсеместно и неостановимо. Не измерить. И так же излещен вопрос: а кто в России знаком с его творчеством? Кто хотя бы слышал его имя? Так услышим незнаемого и неслышанного. Почитаем написанное в журнале "Националист" (Львов, 1912 г.) к столетию со дня рождения этого светочного Поэта: "...русский народ, русская жизнь, русский язык был тогда в большом унижении. На нем мог говорить только темный рабочий, интеллигент же считал своим долгом гнушаться им. И в это именно время М.С. Шашкевич первый произносит в Львовской духовной семинарии проповедь на поругаемом до сих пор русском языке, пишет на нем стихотворения, проповедь любовь к презираемому русскому мужику, ведет лихорадочную работу над осведомлением общества, пробуждением в нем любви к русскому языку".

К сожалению, Маркиана Шашкевича не забыли наши соседи и объявили его своим. И это невзирая на то, что Поэт писал:

Выврешь мені око и душу мені
вырвешь,
Но не похитишь любви и веры,
Не похитишь, бо сердце мое руске

И вера моя руска.
Хотелось бы, чтобы Свет Поэзии Маркиана Шашкевича не только достиг обожаемой его Родины-Мечты-Руси, но и запомнился нам, его родичам, пусть и через двести лет. Вот его стих, ставший хрестоматийным. Тут и о родном языке. На его наследство могут претендовать неправые, но они могут ли оспорить слова самого поэта или найти иной смысл в стихе, кроме смысла слов САМОГО ПОЭТА?

Руска мати нас родила,
Руска мати нас повила,
Руска мати нас любила -
Чому ж мова ей не мила?
Чом ся нев стыдати маем,
Чом чужую полюбаем?

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ДУХНОВИЧ (1803-1865) - священник, почитаемый и обожаемый повсеместно в Закарпатье, будитель угро-русского народа, писатель, поэт, драматург, историк, педагог. До Духновича в литературе употреблялся

ПОЧЕМУ ПУГАЧЁВ БЫЛ КАЗНЁН НЕ ПО ПРИГОВОРУ

церковно-славянский, латинский и мадьярский языки. Но именно этот подвижник первым начал писать литературные произведения на русском языке в Угорской Руси, считая русский язык достоянием всего русского этноса, а не только Великороссии, но и подъяремной Руси. И надо отдать должное потомкам Духновича: он не забыл. Его знаменитый стих "Я русином был, есть и буду" стал национальным гимном закарпатцев. А вот строфа из его стихотворения "Вручание":

Коль первый раз отворил рот,
Русское слово прорек,
На аз-буце первый мой пот
з молодого чела тек.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПАВЛОВИЧ (1819-1901) - уроженец Угорской Руси, священник, поэт, писатель, этнограф, общественный деятель, писал на шарышском наречии, есть несколько стихотворений, написанных на русском языке. После встречи с Александром Духновичем и бесед о единстве русского народа Павлович начал изучать русский язык. Александр Иванович хорошо пел и прекрасно играл на народном инструменте - фуяре, говорил на нескольких языках. В 1858 г. написал песенник для школьников, где есть песня, помогающая изучать азбуку:

Но же, дети, уж бы час
Книжки в руки брати,
Як мамы учили нас,
По-русски читати.

ИВАН АНТОНОВИЧ СИЛЬВАЙ (1838-1904). Час езды от Ужгорода - и мы в деревушке Сусково, где родился и жил обаятельный замечательный человек: приходской священник Иван Сильвай. Прославился он как писатель, поэт и публицист. Печатались в разных изданиях и был популярен не только в родном Закарпатье. Современные читатели подтверждают: все бытописания Сильвая - чистая правда, ибо то же самое рассказывали им их бабушки и дедушки. Добавим, что Иван Антонович был талантливым резчиком по дереву, его работы хранятся в Закарпатском музее народной архитектуры и быта.

Интересны описания Сильвая ("Автобиография") прихода русских войск в 1848 г. Напуганные мадьярскими байками об ужасных русских, жители сел с удивлением стали свидетелями совсем иного: дружелюбия и благорасположения воинов, но самое главное, что повергло местных жителей в шок - это русская речь войска, которую закарпатцы понимали абсолютно без усилий. Так они узнали, что в Великороссии живут их братья по языку и вере. Несмотря на неустанную мадьяризацию Закарпатья, на постоянное с детских лет внушение, что угро-русы не русские, а иное племя - рутены, оказалось, что угро-русы - это все-таки русское племя и язык этого племени русский. Вот так рушатся черные мифы...

МАРИАН ФЕОФИЛОВИЧ ГЛУШКЕВИЧ (1877-1935) - доктор юридических наук, судья, адвокат, общественный деятель, поэт, которого называли "Галицкий Лермонтов". Никогда не бывший в Великороссии до 1916 г., посещавший немецкую гимназию во Львове Мариан самостоятельно выучил русский язык и писал стихи, в основном, по-русски. При его жизни были изданы три его поэтических сборника. Во время пребывания Русской Армии в Перемышле был головой этого города. В 1916 г. покинул Галичину вместе с отступившей Русской Армией. Многолетнее ожидание галичан и, конечно, Глушкевича тоже воссоединения с Матерью-Русью разбились в прах в Первой мировой... Там же осталась память о них - их прекрасных, но рухнувших мечтах, но для нас осталась их литература, их русская любовь, их великолепный богатый РУССКИЙ ЯЗЫК. Написал Мариан Глушкевич в своей автобиографии: "Невыразимо люблю русский язык. Считаю, что он невиданная в мире красота и неисчерпаемое богатство. И неудивительно, ведь он - плод духа русского народа. Дух, который горит, перегорает, но не сгорает".

(Продолжение темы в следующем номере «Потаенного».)

«Прости, народ православный. Отпусти мне, в чем я согубил перед тобой. Прости, народ православный!» Так очевидцы, присутствовавшие при казни Емельяна Пугачева, передают последние его слова. Ничего дерзкого, ничего угрожающего.

Пугачева ожидала казнь действительно лютая. «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь», - определил суд, заседавший в московском Кремлевском дворце под новым, 1775 год. А сама казнь была назначена на 10 января (21-е по современному стилю).

О внешнем виде в последние минуты жизни еще недавно грозного разбойника и самозванца сохранились такие описания очевидцев.

Поэт И.И. Дмитриев: «Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бородку клином».

Писатель, философ и ученый А.Т. Болотов: «Вид и образ его показался мне совсем несоответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь вид, ничего не значащий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего, которого случилось мне так много раз и так близко видеть, что я, смотря на него, сам себе несколько раз в мыслях говорил: «Боже мой! до какого ослепления могла дойти наша глупая и легковверная чернь, и как можно было сквернавца сего почесть Петром Третьим!»».

И Болотов, и Дмитриев описывают поведение Пугачева перед казнью сходно: «почти в онемении, и сам вне себя, и только что крестился и молился», «с непокрытой головой, кланялся на обе стороны, пока везли его».

Кстати, о переменах, происшедших в облике грозного предводителя крестьянского восстания, сообщал императрице Екатерине II накануне суда генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский: «Как Пугачев примечен весьма робкого характера, почему при вводе его пред собрание сделано оному было возможное ободрение, дабы по робкости души его не сделалось ему самой смерти». «Он уже не тот стал, которым был, и, при всем злодействе своем, смягчает состоянием своим всех досаду», - писал о Пугачеве П.С. Потемкин графу П.И. Панину.

Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Свидетельства о последних днях Пугачева нам остались лишь от его потенциальных жертв - дворян и приближенных Екатерины II. При этом похоже, что сама императрица выступала в качестве верховного имиджмейкера для обезвреженного бунтовщика.

29 декабря 1774 года, то есть накануне суда, русская императрица писала Вольтеру: «Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом».

Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха».

«Маркиз Пугачев», - столь иронично просвещенная императрица представляла своего псевдосупруга не только Вольтеру, но и баро-

ну Фридриху Мельхиору Гримму: «Маркиза Пугачева везут теперь из Симбирска в Москву, связанного, окруженного словно медведя, а в Москве его ожидает виселица».

Преданный своими же сподвижниками Пугачев был арестован 8 сентября 1774 года, а 15 сентября доставлен в Яицкий городок.

1 октября под конвоем команды

во главе с А. В. Суворовым Пугачев был привезен в Симбирск, где его допрашивали с пристрастием. Но по свидетельству П.С. Потемкина, главного следователя по делу Пугачева, за пять дней допросов от главного бунтовщика так и не удалось получить необходимых показаний и полного раскаяния.

25 октября Пугачева и его ближайших соратников отправили в Москву. Это была финальная точка его последнего путешествия. В старой русской столице по делу Пугачева было начато основное следствие.

Существует исторический анекдот о том, как Пугачев все-таки развязал язык. Случилось это будто бы уже в Москве, куда был специально отправлен для организации следственных дел обер-секретарь Тайной экспедиции С.И. Шешковский. Направлен был неспроста, поскольку, как считала сама императрица, «тайных дел выведчик» Шешковский «особливый дар имеет с простыми людьми и всегда весьма удачно разбирает и до точности довольно труднейшим разбирательства». И свой дар этот екатерининский «важняк» не замедлил проявить.

Узнав, что грозный бунтовщик имеет слабость до чеснока и лука, Шешковский предложил ему обед. Пугачев принял приглашение.

Первым блюдом была подана холодная солонина с чесноком. «А! Я великий охотник до этого», - якобы сказал Пугачев. «И я также», - подхватил тему Шешковский. После луково-чесночного обеда Пугачев выложил признательные показания, примолвив: «За твое угощение чувствительно благодарю, и открою тебе то, чего бы не открыл и тогда, когда бы вся моя жизнь была истощена в пытках».

Анонимный публикатор этого анекдота завершает повествование такой сентенцией: «И самые злодеи, для которых нет ничего священного, и которые, не страшась угрызений совести, чувствуют снисхождение к себе другим, и чтоб изъязвить им свою благодарность, делают то, чего бы никогда не сделали, хотя бы стоило им и самой жизни».

Верить этому анекдоту или нет, решатье сами. Ясно одно: с пленным бунтовщиком и самозванцем работали тщательно и работали серьезные люди. Сам А.В. Суворов, сопровождавший Пугачева из Яицка в Симбирск, «с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях». Так, по крайней мере, пишет Пушкин в «Истории Пугачева». Но финал «бунтовщика и самозванца» был неотвратим.

Рано утром 10 января в камеру Пугачева явился протопоп Казанского собора Феодор и причастил заключенного. Конвойные вывели закованного в кандалы Пугачева во двор, а затем посадили в сани с высоким помостом. На задней скамье расположился начальник конвоя, а напротив - два священника, которые по пути к месту казни должны

Дмитриев.

Однако наблюдательный А.Т. Болотов заметил в процедуре казни нечто странное: «вместо того, чтоб в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему голову». В видимой растерянности был и московский обер-полицмейстер Н.П. Архаров: «Ах, сукин сын! Что ты это сделал!», - яростно попрекал он палача. Затем раздалась команда: «Ну, скорее - руки и ноги!» И как пишет далее Болотов: «В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах...» В итоге в тот день на Болотной площади были четвертованы Пугачев и Перфильев, а трое их поделников - Шигаев, Подуров и Торнов - повешены, остальные подвергнуты экзекуции. Но были еще и помилованные. О них пишет А.С. Пушкин в «Истории Пугачева»: «Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы».

В тот же день, 11 января, в реляции А.Г. Потемкину князь Вяземский описывал последние минуты жизни казненных: «Пугачев был в великом раскаянии, а Перфильев и Шигаев толиким суеверием и злобою заражены, что и после увещевания от священника не согласились приобщиться. Перфильев же и во время экзекуции глубоким молчанием доказывал злость свою. Однако, увидев казнь Пугачева, смутился и оторопел». Пушкин в примечании к «Истории Пугачева» сообщает, что «по словам других свидетелей, Перфильев на эшафоте одурел от ужаса; можно было принять его бесчувствие за равнодушие». Однако странное поведение А. Перфильева объясняется довольно просто: он был раскольником и общаться с «никонианским» попом не собирався даже перед смертью. Останки Пугачева были сожжены вместе с эшафотом и теми санями, на которых его везли на казнь. А князь Вяземский всеподданнейше доложил императрице о завершении «пугачевского дела» в Москве. Наконец, 17 марта 1775 г. манифестом Екатерины II все дела о пугачевском бунте были преданы «вечному забвению и глубокому молчанию».

Остается только прояснить недоумение А.Т. Болотова по поводу изменения процедуры казни палачом. Сошлемся на мнение Пушкина, изложенное им в «Истории Пугачева»: «Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников». Повеление это исходило от самой Екатерины II. По крайней мере об этом она писала князю Волконскому: «Пожалуй, помогите всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем».

А конкретное предписание Екатерины - секретным образом и лишь на словах - было передано палачу через московского обер-полицмейстера Архарова: сначала отрубить Пугачеву голову и лишь после этого - руки и ноги. При этом строжайше запрещалось упоминать, что это «человеколюбивое» предписание исходило лично от императрицы.

Так или иначе, «облегченное» четвертование Пугачева и Перфильева стало последним официальным четвертованием в России и последней публичной казнью на Болотной площади в Москве.

Александр ПЫЖИКОВ,
доктор исторических наук РАНХ и
ГС

«АН-online»